

Отзыв на диссертацию Терехиной А.Н.
«Кочевая школа в современной системе образования для
народов Севера РФ: концепции, дискурсы и практики»
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

С большим интересом ознакомилась с диссертационным проектом Терехиной Александры Николаевны, в фокусе которого находится современная кочевая школа Севера и Арктики, призванная удовлетворить права ребенка, его естественные потребности в сохранении своей этнической, языковой и культурной идентичности. Действительно, сегодня в Российской Федерации данная проблематика имеет высокую актуальность, в первую очередь, в силу ее большой социальной значимости.

На мой взгляд, важное научное и научно-практическое значение этой работы заключается в том, что здесь представлен многосторонний анализ широкого спектра мнений и оценок, начиная от ученых, экспертов, общественников, учителей и воспитателей до самих родителей и детей по всему комплексу обсуждаемых тем, в том числе непростых вопросов развития кочевых школ в средне- и долгосрочной перспективе. Хочется также отметить зрелую, а с учетом реалий нашей жизни и смелую, гражданскую позицию Александры Николаевны Терехиной. Опираясь прежде всего на данные своих многолетних полевых исследований, она выделяет особо уязвимые зоны кочевого образования в стране и дает обоснованную критику в адрес федеральных и региональных чиновников от образования; а также ФАДН, самоустранившегося от координирующей и регулирующей роли в решении накопившихся проблем в этой области, шире – в сохранении этнического, культурного и лингвистического разнообразия России.

Высоко оценивая содержание диссертационной работы в целом, подчеркну ее значительный эвристический потенциал, так необходимый для чтения ВУЗ-их спецкурсов по гуманитарным специальностям, а также для повышения профессиональной квалификации сотрудников средств массовой

информации и коммуникации. Кроме того, вывод исследования о неэффективности преподавания родных языков народов Севера, базирующегося на морально устаревших методиках, учебниках и пособиях, можно незамедлительно перевести в плоскость практических рекомендаций для принятия соответствующих решений органами власти и управления всех уровней.

Полагаю, что со временем диссертация Александры Николаевны непременно трансформируется в интересную авторскую монографию с широкой читательской аудиторией. В этой связи считаю нужным высказать свои замечания и предложения по тексту работы, которые она может принять или отклонить, разумеется исходя из собственной точки зрения.

«Краткий обзор истории формирования системы образования для народов Севера и появления кочевых учебных заведений» можно было бы дополнить сюжетом о работе частных школ политических ссыльных в Сибири. В Якутии, например, была школа П.П.Полякова в Колымске. Минорный вывод по параграфу (*«об экспериментах с преподаванием как единичных примерах непродолжительной работы энтузиастов»*) хотелось бы видеть в более оптимистичном варианте. Ведь эти примеры свидетельствуют о том, что сама идея кочевого образования в стране имеет длительные интеллектуальные традиции. Значит еще в XIX в. в теорию и практику педагогической мысли России имплементировались положения о «доступности» и «всеобщем характере» образования, в том числе и в отношении «бродячих инородцев» (правовой статус народов Сибири по «Уставу» 1822 г.), находившихся тогда на самой низкой ступени социальной иерархии, тогда как другие предрекали им скорое физическое вымирание.

Как ни странно, но в специальном разделе работы – «Концепции системы образования для кочевников в конце XX - начале XXI вв.» собственно сами концепции и различные научные обоснования кочевых образовательных учреждений не рассмотрены. Не дана их оценка, в том числе и одобренной московским бюро ЮНЕСКО «Обеспечение доступности образования коренным народам Севера» (2004). Данное замечание

представляется наиболее принципиальным, поскольку эти основополагающие документы (не общественные дебаты, не СМИ, не усилия отдельных организаций и активистов и пр.) легли в основу и способствовали:

- а) созданию институционально-правовой базы работы кочевых школ;
- б) разработке конкретных государственных программ развития системы кочевых школ;
- в) подготовке технико-экономического обоснования функционирования кочевых школ с предусмотренным бюджетным финансированием.

Досадным упущением также можно считать отсутствие анализа предпосылок создания северного варианта дуального образования в современной России. Кочевые школы в Якутии, например, появились отнюдь не в силу необходимости воспитания «правильной» идентичности детей, как утверждает автор, а вследствие процесса демократизации российского общества, отчуждения семьи от государства, развития института родительства и формирования новых родительских практик по всей стране. В результате появилось многообразие школ: от классических лицеев, частных учебных заведений до кочевых школ, в зависимости от социального спроса. В Якутии с этим процессом связано и появление такого понятия, как «кочевая семья» и законодательное закрепление ее правового статуса.

Дискуссионным представляется вывод, основанный на ПМА, о целеполагании этнокультурного образования и его специфике, заключающейся в *«фольклоризации предоставляемых знаний»*, рассмотренных почему-то в полном отрыве от политики, проводимой правящим классом страны. Как ученый-исследователь Александра Николаевна должна знать, что в современной России вопросы доступа народов Севера к образованию и участию в экономике искусственно сводятся к культурализации этничности и только такая их активность, ассоциирующаяся с оленями, песнями и плясками с бубном, признается и поощряется государством. Чтобы удостовериться в этом, нужно лишь открыть действующий план мероприятий в рамках «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего

Востока Российской Федерации» (2016-2025 гг.), подготовленный для практической реализации государственной национальной политики России. В нем четко прописано, что государство окажет содействие исключительно активности этнических меньшинств в области *культуры и традиционных хозяйств*, а отрекомендованы они, как бы парадоксально это ни звучало, в списке *«мероприятий в сфере образования»*.

Замечания по стилю и языку описания. Нахожу верным тонкое наблюдение Александры Николаевны о самопровозглашенных лидерах, этнических представителях и предпринимателях, переговорщиках с властью/бизнесом и т.п., выпячивающих свою фундаментальную тождественность с коренными народами и зарабатывающих на этом немалый политический и социальный капитал. Но, прежде чем объявлять это постыдное явление *«тундровизмом»*, следует признать и исходить из того, что первичные понятия – тундра/тундровики, это феномен более высокого порядка, чем дискурс и практики в пределах узконациональной логики вышеупомянутых индивидов. В данном случае более подходящим, в контексте операционализации описываемого социального явления, был бы *«псевдотундровизм»* с присущими префиксу коннотациями.

Известно, что представителей народов Севера, аналогично другим колонизируемым народам мира, в XVII в. официально номинировали и конструировали их образы для внешнего мира. Терминами *«туземцы»*, *«инородцы»* и др. пользовались до революции при описании российского фронта как встречи *«цивилизации и дикости»*. В СССР эта концепция трансформировалась в идеологию *«освоения»*, тогда они стали нарекаться как *«отсталые северные племена»*, *«народности северных окраин»* и др. В настоящее время их репрезентируют как коренные малочисленные народы Севера.

Безусловно, в научных исследованиях уместно применение всех этих терминов соответственно исторической эпохе, но в современной российской

литературе все чаще стали встречаться случаи их нового «именаречения», навеянные примерами зарубежных коллег-антропологов. К сожалению, и в диссертационной работе Александры Николаевны Терехиной нашлось место подобным заковыченным понятиям, как «асфальтовые аборигены», «благородные дикари». По моему мнению, в академическом сообществе ни под каким предлогом, даже самым благородным, нельзя нисходить до уничижительных характеристик людей, пусть и недостойных Вашего уважения. Надеюсь, что в авторской монографии будет представлено максимально прозрачное, но вместе с тем цивилизованное обсуждение острых проблем современности кочевых народов Севера. Только взаимная толерантность и ответственность могут выстроить мосты взаимопонимания между учеными-исследователями и разнообразными группами современного российского общества.

Желаю Александре Николаевне успешно защитить выстраданную в «полях» диссертационную работу и получить искомую ученую степень.

Ведущий научный сотрудник Центра
этносоциологических исследований
ИГИиПМНС ФИЦ «ЯНЦ СО РАН» к.и.н.
Игнатьева Ванда Борисовна

Игнатьева В.Б.

Заверяю подпись

Гл. спец. ОК

677007, г.Якутск, ул.Петровского, 1.
Тел.8-924-462-28-14, e-mail V_Ignat@mail.ru

